

СВЯТА

Илона Вольтинская
Кирилл Кащеев

ДОНГАР — ВЕЛИКИЙ ШАМАН

МОСКВА 2011
ЭКСПО

Тринадцать Долгих дней спустя

Свиток 1

О СТРАШНЫХ ИСТОРИЯХ НА НОЧЬ ГЛЯДЯ

— ...А

ж из ледяного города богатей стражу вызвал. По всему стойбищу часовых выставил. И у чума своего тоже. Скачет из тайги белка рыжая... Махнул стражник мечом – срубил белке голову! Померла белка. Смеется богач – не пробраться тебе в стойбище, Черный! А на снегу у самых торбозов стражников черная тень проползла. Вынырнула из ручья нерпа... Бросил стражник копье – проткнул нерпу. Померла нерпа. Опять смеется богатый – не добраться тебе до моего чума, Черный! А в ручье вода черная стала, бежит, журчит, к чуму течет. Прилетел с далекого юга гусь... Выстрелил стражник из лука – подстрелил гуся. Упал гусь с самого неба и помер. Снова смеется богатый – не войти тебе в мой чум, Черный! А над чумом, над самым верхним отверстием, черная тучка пробежала. Ночь пришла, поел богатей оленины, тюленьего жира поел, сытый стал, сонный – начал укладываться. Лег он... Наверх посмотрел... А над полкой, где он спит... Черный

шаман на стене висит! Глаза горят! Прыгнул черный шаман богатому на грудь – рот открыл... И втянул в себя его душу!

Девочка в слишком большой, явно справленной на вырост малице¹, испуганно прикрыла род ладошкой:

– Съел?

– Зачем съел? – Рассказчик, толстый солидный мальчишка со стянутыми в короткую косу жесткими темными волосами, снисходительно усмехнулся, постукивая кончиком шеста-хорея по корке снежного наста. – Богатый сам помер. Без души как жить?

– А посему стлазники белку убили? И гуся? – шепелявя беззубым ртом, спросил пристроившийся рядом с девочкой малыш, закутанный так, что из меха торчал лишь похожий на плоскую пуговицу нос.

– Темный ты, Рап, прямо как вся Долгая ночь! – снисходительно ухмыляясь, обронил рассказчик. – Хороший шаман превращаться может. Берет звериную шкуру, на себя надел и – р-раз! Белкой стал! Р-раз – гусем стал... Вот стражники и думали, что это все Черный подбирается!

– Тебе, Аккаля, самому лучше думать, чего говоришь. Разве черный шаман хорошим может быть? – хмуро пробурчал еще один мальчишка. Он сидел на корточках у самых корней невысокой, жмущейся к мерзлой земле тундровой

¹ М а л и ц а – верхняя меховая одежда с капюшоном, из двойного слоя шкур, сшитых мехом вовнутрь.

сосны. Его голова была низко опущена к коленям, волосы, длинные и, похоже, никогда не чесанные, свисали спутанной копной, закрывая лицо. – Черные порчу наводили – люди от нее мерли. Если кто из богатых болел сильно, Черного звал. Тот слугу брал и болезнь в него засовывал...

– Как засовывал? – из-под капюшона маленького Рапа сверкнули любопытством раскосые глазенки.

– Как-как... Так! – немедленно ухмыльнулся толстяк Аккаля, несколькими выразительными жестами изобразив, как и куда именно Черный шаман засовывал болезнь.

– У-у-у, – испуганно провыл маленький Рап. – Там у слуги потом и болело, да? А как же он сидел?

Старшие захохотали.

– Тихо вы! – сидящий у сосны мальчишка резко вскочил. Спутанные волосы откинулись на спину, открывая очень худое лицо с запавшими щеками и резко выступающими скулами. Он с тревогой огляделся, стреляя по сторонам беспокойными темными глазами.

Совсем неподалеку от них, между редкими низкорослыми тундровыми деревьями, заворочалось тяжелое. Но парня напугало не это. В блекло-голубоватом свете мерцающего под луной снега мелькнули роскошные тяжеловесные рога. Лохматый олень-карибу ударил копытом в снежный наст и начал что-то из-под него выедать. Кажется, успокоенный невозмутимым поведением рогатого красавца, мальчишка опу-

стился обратно в ложбинку у корней и почти шепотом добавил:

– Наш шаман говорит – нельзя по Ночам шуметь! Йим! Запрет! Беда может быть!

– Что, Пуки, со страху в штаны наложил? – протянул Аккаля, кривя полные губы и презрительно глядя на тощего. – Боишься, Черный из тундры за твоей трусливой душонкой придет?

Пуки закусил губу – словно жалея, что заговорил. И снова угрюмо опустил лицо к коленям, прикрытым полами старенькой затрепанной парки.

– А какую душу Черный забирает? – с жадным любопытством спросила девочка. – Уй – птицу сна, что по ночам к человеку прилетает? Или ийс – тень? – она перечисляла деловито, один за другим загибая тоненькие пальчики, как будто пушнину продавала. – Или лили – дыхание, что от предков шаман приманивает? Или ту, которая у человека в одежде живет?

– Думаешь, Черный просто снял с богатея штаны? – раздался спокойный уверенный голос.

Ответом был новый взрыв хохота. Сам шутник, расслабленно привалившись к развилке сосновых веток, лишь лениво улыбнулся. Третий из старших мальчиков не походил ни на кругленького Аккаля, ни на тощего Пуки. Откинутый капюшон открывал густые, заплетенные в аккуратную косу волосы и красивое лицо с хищным, как орлиный клюв, носом. Парка аж потрескивала на широких плечах. Если приглядеться, становилось понятно, что одежда его такая же старенькая и бедная, как у Пуки, но

почему-то выглядела она совсем по-другому. Наверное, потому, что держался парень со спокойной уверенностью хозяина тысячи стад.

– Ну ты, Орунг, и скажешь, – пробормотала девчонка, смущенно ковыряя снег носком торбоза. Даже в лунном свете было видно, как покраснели ее щеки. Она из-под длинных ресниц покосилась на мальчишку. Мечтательно вздохнула, залюбовавшись тугими – уж точно не хуже, чем у страшных древних эрыг отыров, – узлами мышц, игравших на его наполовину открытых руках. Рукава детской парки давно стали мальчишке коротки. Хоть и бедный, а все равно в поселке он... Ой, да в их глухомани и слова-то для него подходящего нет! Разве что тетка рассказывала, как городские девочки говорят на модном нынче диалекте южан, горных мастеров, – соо! Орунг точно кул – ну самый, самый холодный!

– Ты, Тан, не бойся, – неожиданно вмешался Пуки. – Ничего Черный не заберет – сказки это все. Спасибо голубоволосым жрицам – не осталось больше черных шаманов! Всех истребили, одних только Белых оставили, чтоб было кому камлать-лечить.

– А тебя, сопливый-слюнявый, никто не спрашивал! – Аккаля пнул деревце, под которым сидел Пуки. На плечи и голову мальчишке с ветвей обрушился плотно слежавшийся пласт снега. Влез тут! Он, может, сам собирался девчонку успокоить. Или наоборот – еще страшных историй порассказать, чтоб больше напугалась. – Можешь вообще отсюда шагать –

прямо к своим голубоволосым ведьмам, если так их любишь! Воткни им свой сопливый нос туда, куда...

– Ой, Аккаля, ты что говоришь? – перебила его Тан и с явным ощущением собственного превосходства добавила: – С голубоволосыми нельзя носами тереться! Голубым огнем сожгут. Мне мамка рассказывала, что ей сестра рассказывала, а той тетка рассказывала, которая в ледяном городе бывала. Как парень один голубоволосой сказал, что она красивая.

– Пьяный, наверное, был, – пробормотал Аккаля. – Или дурной совсем.

– А голубоволосая ка-ак глянет на него! – увлеченно продолжала девчонка. – И прямо у него из-под ног Голубой огонь ка-ак ударит! Парень горит, кричит, мечется, люди разбегаются... Так и сгорел! Еще дом и две лавки огонь растопил. – Она покосилась на Орунга, проверяя впечатление.

– Только за то, что сказал – «красивая»? – потрясенно выдохнул Аккаля.

– Так ему и надо! – с глубочайшей убежденностью кивнул Пуки. – Правильно все жрица сделала. Жрицы – добрые, благородные и грозные, а уж никак не красивые! Их уважать надо!

– Жрица в поселок прилетит, ты ей так и скажешь, – все так же лениво протянул Орунг. – Что она некрасивая и ты ее за это уважаешь.

Девочка мгновенно представила: Пуки со своими нечесаными патлами и в лохмотьях подходит к какой-нибудь надменной голубоволосой ведьме... И захохотала в голос! Рядом радостно

повизгивала малышня и, прямо как олень, трубил Аккаля.

– Тогда мы точно от Пuky избавимся. Пых – и нету! – изображая пальцами вспышку, сквозь смех простонал Аккаля.

Орунг медленно повернулся к нему:

– Ты о моем брате говоришь. – Голос его звучал так холодно, что, казалось, был способен заморозить и эту морозную Ночь.

Аккаля попятился под недвусмысленно угрожающим взглядом:

– Ты чего, Орунг? Ты ж сам...

– То я. А то ты. Понятно? – все тем же спокойным ледяным тоном пояснил Орунг, и Аккаля торопливо закивал.

Тан глядела на Орунга совсем восторженно – ну ку-ул!

– Пойдемте, оленей посмотрим, – после недолгой паузы примирительно предложил Орунг. – Скоро в пауль возвращаться.

– Я с тобой, Орунг! – Девочка вскочила первая. – А то сказки такие страшные рассказывали, боюсь я теперь одна. – Тан застенчиво зажмурилась – глаза ее превратились в тонкие лукавые щелочки. Орунг усмехнулся и, подхватив оба длиннющих шеста-хорея, свой и девчонки, направился к оленям. – Цо! Цо! – хорей Орунга легонько похлопывал по оленьим спинам, разгоняя зверей по тундре на поиски уцелевшего под снегом корма.

– Цо! Цо! – звонко вторила Тан.

– Боится она, – обиженно проворчал Аккаля вслед удаляющейся парочке. – Истории страш-

ные про Черных Аккаля рассказывает, а бояться так с Орунгом ходят. – Он круто повернулся и направился в противоположную сторону, зло тыча хореем в гладкие олени бока с уже заросшими шерстью клеймами. Толстая, отъевшаяся за минувший День важенка¹ укоризненно фыркнула ему в лицо, обдав теплым дыханием. Олени еще жались к людям, но скоро они свободно разбредутся по тундре, глодая веточки низкорослых деревьев и разбивая наст в поисках скудного корма. Аккаля вздохнул. Хорошо, что их еще долго не придется собирать – почитай всю Долгую ночь. Зато как Долгий день настанет, уж набегаемся. Аккаля приуныл – гоняться за одичавшими за Ночь оленями он не любил. Да еще опять все девчонки за Орунгом побегут, а ему достанется малышня вроде Рапа. Или Пуки, нудный, как сучение веревок из жил. Толстяк неприязненно уставился в спину идущему впереди Пуки. Потом украдкой оглянулся через плечо – не видно ли Орунга. На полных губах заиграла вредливая ухмылка. Он погрозил кулаком поспешающему за ним Рапу. Малыш удивленно уставился на старшего, потом понимающе усмехнулся. Аккаля протянул хорей перед собой. И, выждав момент, резко ткнул Пуки под коленки. Тощий нелепо взмахнул руками и рухнул плашмя. Рап хихикнул.

Аккаля остановился над неподвижно лежащим противником и все с той же усмешкой потыкал в него хореем:

¹ Важенка – самка оленя.

- Так и будешь лежать? Может, встанешь, сделаешь чего? - Он кивнул на отлетевший в сторону хорей Пуки. Мальчишка не шелохнулся. - Не встанешь, - сам себе кивнул Аккаля. - Так и знал, однако, - и ударил Пуки шестом по плечам. - А теперь как, сопливый-слюнявый?

Пуки поджал колени и, прикрывая руками голову, откатился, пытаясь уйти из-под ударов. Аккаля немедленно перехватил шест и ткнул вперед, угодив свернувшемуся в комок мальчишке в бок:

- Вставай! Бери хорей! Драться будем! - сопровождая каждое слово очередным болезненным тычком в грудь, в ребра, в ноги, повторяя надвигающийся Аккаля. Но Пуки только больше сжимался, отползая в сторону. Маленький Рап перестал хихикать, глаза его стали круглыми от испуга.

- Оставь его, Ак, сдурел, однако? - малыш бесстрашно метнулся вперед, повисая на локте старшего.

- Не лезь, Рап! - взревел Аккаля, одним взмахом руки отбрасывая того в снег. Пуки отползал. Ветви стелющегося почти по земле деревца мягко ткнулись ему в спину, потом раздались - и Пуки остановился, упираясь спиной в тонкий жилистый ствол. Он не кричал, лишь судорожно вздрагивал под сыплющимися на него ударами. Глаза Аккаля налились кровью. - Бить его буду! - брызжа слюной, орал он, то и дело попадая хореем по веткам и стволу деревца. Над тундрой прокатился глухой стук. - Пока не

встанет и драться не начнет! Вставай! Хоть раз будь как хант-ман, ты, сопля теплая! – Он вскинул шест. И, обеими руками перехватив хорей за конец, широко размахнулся.

Хрясь!

Сухой треск удара заставил пасущегося неподалеку оленя прыгнуть в сторону. Хорей резко вывернулся из рук, едва не вывихнув Аккаля плечо, и рухнул прямо на колени Пуки. Чужой шест со скоростью атакующего медведя прынул навстречу и с силой толкнул обидчика в грудь. Издав короткое «пуф!», Аккаля уселся в снег.

– Ты чего, с деревом дерешься, Аккаля? – опуская свой хорей, поинтересовался нависший над ним Орунг. За его спиной медленно поднимался на ноги дрожащий Пуки. Мгновенным движением Орунг подцепил на кончик торбоза упавший хорей Аккаля и быстрым толчком ноги швырнул его владельцу. Тот едва успел подставить руки – иначе хорей угодил бы ему в нос. – Вставай, однако. – Хорей Орунга завертелся таким стремительным колесом, что порыв ветра взметнул вокруг вихрь снежинок. – Со мной подраться попробуй! – стоя в ореоле кружащих снежинок, процедил Орунг.

Аккаля встал. Потопал торбозами, отряхивая прилипший к одежде снег. Заячьим скоком порскнул прочь, пригибаясь за деревцами и обходя Орунга по широкой дуге.

– А ты, Пуки, не смей говорить, когда я рассказываю! И с девчонками нашими не за-

ДОНГАР — ВЕЛИКИЙ ШАМАН

45

говаривай, понял? – донесся его голос сквозь сплетение ветвей. – Не то я тебя достану! Брат с тобой не всегда будет!

Маленький Рап развел руками, словно извиняясь, и, раздвинув ветви сосны, нырнул следом за Аккаля. Послышался его громкий, возмущенно выговаривающий голосишко, потом звук затрешины – и удаляющийся басовитый рев. Похоже, Аккаля нашел, на ком сорвать злость.

